

РОДОСЛОВНЫЕ БЕРЕЗОВСКИХ ГОРОДОВЫХ КАЗАКОВ — ПОТОМКОВ СПОДВИЖНИКОВ ЕРМАКА КАК ФОЛЬКЛОРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЛУЖЕБНОЙ РЕПУТАЦИИ

Еще в конце XIX века в Березове бытовало предание о том, что среди основателей города (основан воеводой Н. Траханиотовым в 1593 году) были казаки, пришедшие в Сибирь с атаманом Ермаком. Предание сохранило даже имена березовских ермаковцев: Шах, Лях, Мещеряк и Оболта. От этих казаков вели свой род представители древнейших березовских фамилий: Шаховы, Мещеряковы и Оболтины (род Ляха якобы пресекается) [10, с. 351]. Выяснить, насколько старинное предание соответствовало действительности, есть задача данного исследования.

Прежде всего, нужно констатировать, что сподвижники Ермака бывали в Березове. Так, в 1595 году Березовский острог осадили «остяки и самоеды». На выручку березовскому гарнизону из г. Тобольска прибыл Черкас Александров «с служилыми людьми». Черкас Александров (Корсок) участвовал в сибирской экспедиции Ермака, а позже сделал карьеру в г. Тобольске, дослужившись до «татарского головы» [8, с. 62-63; 15, с. 155]. Тогда же в Березов прибыл казачий атаман Савва Аргунов. Он так же, как Черкас Александров, участвовал в подавлении выступления «иноземцев» только в составе другого отряда. Этот отряд под командованием князя Петра Горчакова был послан из г. Москвы в помощь сибирякам. Замечательно, что северная летописная традиция превратила Савву Аргунова в сподвижника покорителя Сибири. Е. В. Вершинин подметил, что в так называемом Пинежском летописце «...героями «сибирского взятия» оказываются «атаманы казачьи Ермак Тимофеев да Арган Андреев». Реальный атаман Аргунов в «сибирском взятии» не участвовал. В Сибири он впервые оказался с отрядом П. Горчакова через 10 лет после смерти Ермака. После снятия осады с Березова и окончательного подавления восстания Савва (Истома) Аргунов остается на службе в Березове. На сибирской службе Савва и превращается в личность легендарную в прямом смысле. Он участвует в походе против Пергой орды (1598 год); в экспедиции 1600-1601 годов, в результате которой была основана Мангазея; в походе на Подкаменную Тунгуску, с которого началось объяснение местных эвенков. Во время смуты Аргунов оказался в г. Москве и был взят поляками в плен. В результате чего оказался в Тушинском лагере, но сумел бежать. Затем Савва вер-

нулся в Березов и продолжил службу [2, с. 271-272]. Потомки Саввы Аргунова также служили в Березове еще в конце XVII века в казаках и детях боярских [16, с. 72, 76].

В это время «сподвижник Ермака атаман Арган» делал собственную мифо-эпическую карьеру. В письменную традицию Русского Севера он попал из устных сказаний о «сибирском взятии», широко бытовавших по обе стороны Уральских гор на самой короткой и, скорее всего, самой древней дороге из Поморья в Сибирь — «Русский тес». На этой дороге и находился Березов.

Остается выяснить, являлись ли предки березовских казаков Шаховых, Мещеряковых и Оболтиных такими же фольклорными персонажами, как атаман Арган, или они действительно были сподвижниками Ермака. Кстати, потомками ермаковцев считали себя представители еще двух березовских фамилий — Михайловы и Пановы [1, с. 82]. Реальный сподвижник Ермака казачий атаман Матвей (Михаил) Мещеряк героически погиб еще во время «сибирского взятия» об этом солидарно заявляют все сибирские летописи [12, с. 185-186]. Впрочем, сохранились сведения о том, что Матвей Мещеряк благополучно вернулся в Поволжье в 1885 году и здесь воевал с нагаями. Однако в 1887 году Мещеряка повесили по приказу самарского воеводы князя Г. О. Засекина, за полгода до этого пригласившего атамана на государеву службу [15, с. 51].

Не менее определенно источники сообщают о гибели ермаковых атаманов Никиты Пана и Якова Михайлова во время осады Карачей городка Сибирь. Откуда же тогда взялось в Березове потомство ермаковых казаков, погибших задолго до основания города? И тем не менее в 1622 году здесь среди «служилых людей и ружников и оброчников» находим Аргуновых, Мещеряковых, Михайловых, Оболтиных, Шаховых, но не обнаруживаем Пановых [6, с. 352-360]. Значит, к первоначальникам Березовского острога Пановы не относились. Поэтому, по-видимому, поздняя устная традиция и не считала их таковыми. Однако и Михайловы не признавались земляками в качестве потомков казаков Ермака. Почему-то казачья устная традиция Березова, помнившая даже «пресекшийся» род «березовских ермаковцев» (Лях), не поддержала претензии Михайловых. Интересно также и то, что не попали в предание и Аргуновы, хотя северно-русская летописная и, наверное, фольклорная традиции славили сподвижника Ермака атамана Аргана. Дело, наверняка, в том, что предание о березовских «ермаковых казаках», записанное в 1880-х годах, в конце XVI — XVII веке являлось частью казачьих родословных. Признание властями факта происхождения того или иного казачьего рода от сподвижников Ермака, при прочих равных условиях, обеспечивало потомкам покорителей Сибири первенство в продвижении по служебной лестнице [8, с. 51-87]. Отсюда становится понятным, почему в устном березовском фольклоре потомками «березовских

ермаковых казаков» не считались Аргуновы. С одной стороны, они в этом попросту не нуждались. Высокое положение в служилой иерархии их пращура и без того обеспечивало карьерные преимущества. С другой стороны, для властей не составило бы особого труда проследить службу основателя березовской ветви рода Аргуновых. Остальные же березовские «потомки казаков Ермака» нуждались в признании их статуса. Наверное, следствием этого стала некая конкуренция, результаты которой и отражает устное казачье предание, не признавшее за Михайловыми и Пановыми права называться потомками ермаковых казаков, не смотря на звучность их «атаманских фамилий». Да и властные структуры легко могли свериться с летописной традицией и убедиться, что березовские Михайловы и Пановы не могут быть потомками сподвижников Ермака. Впрочем, на власть «порода» всех березовских «потомков казаков Ермака» впечатления не производила, а значит и признаваема не была. Представители всех перечисленных выше фамилий в 1622 году, исключая Аргуновых, ходили в рядовых казаках [6, с. 352-360]. Не изменилось это положение и к концу XVII века [3, с. 70-80].

Но, если указанные выше березовские казаки не были потомками «ермаковых казаков», кем тогда они были на самом деле? На самом деле они были авторами и носителями коллективного мифотворчества. И корни этого мифотворчества следует искать не только в березовских казачьих преданиях, но и в северно-русской мифо-эпической традиции. А последняя не только легендарного атамана Аргана, но и Ермака выводила с Русского Севера и Северного Приуралья (Северная Двина, Тотемская волость Вологодского уезда, владения Строгановых на Чусовой) [12, с. 91]. Конечно, за устными легендами последовало и местное летописание. В летописи сольвычегодского происхождения читаем: «На Волге казаки, Ермак атаман, родом з Двины з Борку... разбили государеву казну, оружие и порох и с тем поднялись на Чусовую [11, с. 142]. Наверняка, в таком фольклорно-литературном поле родовые предания о происхождении от казаков Ермака зарождались и бытовали сплошь и рядом. И действительно, если мы попробуем определить места выхода березовских «ермаковых казаков», исходя из этого посыла, то ожидаемо обнаружим их на Русском Севере.

Так, Пановы (Панковы, Паневы) учтены переписью 1645-1646 годов на рр. Верхней Мезени, Лузе, Лоемском погосте. Перепись конца XVII века застала Панковых на рр. Выми и Сысоле и в г. Пустозерске [4, с. 71, 74, 78]. Фамилии с корневой основой «пан» вообще очень тесно связаны с Русским Севером. Прозвище Пан от нарицательного пан, употреблялось в северорусских говорах в разных значениях: «атаман шайки», «разновидность семги», «белый гриб». «Паны» на Русском Севере являлись еще и мифо-эпическими существами. Образ «панов» полисемантичен, но древнейшее его значение «предки-родоначальники, первопоселенцы, аборигены» [5, с. 243].

Михайловы были отмечены переписью 1720 года в погосте Вишера [4, с. 78]. Скорее всего, северно-русские корни имели и Оболтины. Оболдашор (Кузьель) — река в Республике Коми. Устье реки находится в 35 километрах по левому берегу реки Човью в 20 километрах к северо-западу от г. Сыктывкара.

В данном ряду особенно примечательна фамилия Шахов. На первый взгляд Шаховых смело можно выводить из волжских казаков, в XVI-XVII веках постоянно беспокоивших персов, но нет. Шаховы, как и вышеперечисленные роды, вышли с Русского Севера. Фамилия Шахов происходит, скорее всего, от слова «шах», в русских северных говорах обозначающего рыболовецкую снасть. В тобольском говоре — это колья, на которых развешивается невод для просушки [9, с. 121]. Шаховы наверняка вышли из Коми края, с реки Сысолы, а в XVIII веке зарегистрированы и на Верхней Вычегде [4, с. 77].

Из общего ряда выбиваются Мещеряковы. Ермаковского атамана Мещеряка обычно выводят из Мещерского края, т. е. из местности недалеко от Москвы, между гг. Рязанью и Владимиром [12, с. 188]. Однако А. Г. Мосин подметил, что фамилия Мещеряков, широко бытовавшая в Приуралье и на Урале уже в XVII веке, вернее всего обязана своим происхождением тюркоязычной народности «мещеряки» (мишари), проживающей в Приуралье и Башкирии [7, с. 127].

В заключение нужно отметить, что потомки «ермаковых казаков» Березова вовсе не были некой небольшой земляческой группой. Подавляющее большинство населения Березова, как и всего Среднего и Нижнего Приобья в XVII веке являлось выходцами с Русского Севера и Приуралья [13, с. 22-31]. И эти выходцы, конечно, были носителями северной мифо-эпической традиции. Таким образом, для складывания и бытования в Березовском остроге мифических казачьих родословных сложились необходимые условия — соответствующая мифо-эпическая традиция, а также острая служебная конкуренция и неумная жажда карьерного роста у части березовского казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. — Новосибирск, 1991. — 401 с.
2. Вершинин Е. В. Русские старожилы Березова (XVII-XVIII вв.) // Русские старожилы: материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск, 2000. — С. 271-274.
3. Городовой список города Березова 1690 г. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: исследовательские материалы и документы / под ред. А. Г. Мосина; авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. — М., 2007. — С. 70-80.

4. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. — М., 1982. — 224 с.
5. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991. — 328 с.
6. Книга окладного денежного жалования березовским служилым людям, ружникам и оброчникам (1622/1623 гг.) // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: исследовательские материалы и документы / под ред. А. Г. Мосина; авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. — М., 2007. — С. 352-360.
7. Мосин А. Г. Уральские фамилии: материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей) 1822 года. — Екатеринбург, 2000. — 495 с.
8. Никитин Н. И. Соратники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. — Екатеринбург, 2001. — С. 51-87.
9. Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII — первая половина XVIII в.). — Новосибирск, 1985. — 208 с.
10. Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века: материалы для истории местных сообществ азиатской России / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. — Тюмень, 2004. — 461 с.
11. Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак // История СССР. — 1976. — № 3. — С. 139-148.
12. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982. — 252 с.
13. Туров С. В. Роль коми переселенцев в формировании старожильческого населения Обдорского края // Известия Уральского государственного университета. № 4 (66). — Екатеринбург, 2009. — С. 22-31.
14. Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. — Екатеринбург, 1996. — С. 116-161.
15. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. — Екатеринбург, 2001. — С. 8-51.
16. Шашков А. Т. Боевые укрепления города Березова в конце XVI — начале XVIII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: исследовательские материалы и документы / под ред. А. Г. Мосина; авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. — М., 2007. — С. 72, 76.